

Известия - 1996 - 5 сент. - с. 5

Партия Пиросмани

Теймураз МАМАЛАДЗЕ, «Известия»

Гений без пьедестала

Решением ЮНЕСКО в сентябре-октябре этого года в мире отмечают 130-летие со дня рождения грузинского художника Нико Пиросманашвили (Пиросмани).

В этой «титлатуре» отсутствуют кое-какие эпитеты. Например, «великий», «гениальный», но рука отказывается выводить их, хотя нет никаких сомнений в том, что Пиросмани и великий, и гениальный, и т.п. Наверное, дело в том, что для грузина это такой человек и такое искусство, что их очень трудно взгромождать на пьедестал. Хотя, не в обиду будь сказано, пьедесталы мы любим.

Так вот, при обилии в Тбилиси пьедесталов, как занятых, так и пустующих, скульптор, изваявший фигуру Пиросмани для одного из кварталов Старого города, обошелся без постаментов. Его Никала (и мой, и ваш, и «всехний») стоит на коленях в траве, прижимая к груди ягненка, а мы проходим к пекарне, расположившейся у него за спиной, так, будто он попросил нас сбегать за хлебом и для него.

Было время, в хлебе ему отказывали. Но сейчас, услышав про юбилейную дату, многие воскликнут: «Как, уже сто тридцать?!» Или — наоборот: «Как, всего сто тридцать?!» Будто он всегда был с нами.

Без «будто» — всегда был. Но не все с ним были.

Эти заметки — о тех, кто был.

Зданевичи

«В Тбилиси Илья Зданевич устроил однодневную весьма интересную выставку картин никому не известного художника Нико Пиросманашвили. У некоторых эта выставка вызвала насмешки, некоторые сочли ее оскорблением искусства...».

История настолько хрестоматийная, что как-то даже неловко

ее пересказывать. Однако время сейчас такое — напроць отшибает любую память. Так что напомним.

В 1912 году в Тбилиси, в привокзальном трактире «Варяг», братья Илья и Кирилл Зданевичи и их друг Мишель ле Дантю, студенты, художники, поэты, набрели на картины удивительного мастера. Ничего удивительного — жизнь как она есть, «целая фильма быта на одном холсте», но в таком «переложении» на техническую клеенку, что молодые люди вмиг опьянились ею.

— Да это же современный Джотто! — воскликнул ле Дантю.

Кроме «Варяга», были еще духаны «Загляни, дорогой», «Эдем Васо», «Лукма» («Кусок»), «Гемо» («Вкус»), «Войди и посмотри», «Сам пришел!», «Тили пучури» («Крохотная вошка»), «Сухой не уходи!», «Сад гуляния для золотых гостей», «Парнас-Кавказ» и т.д., и в каждом были клеенки неизвестного художника-самоучки. «Он учился у своего инстинкта», — скажут о нем впоследствии, но тогда первым побуждением было разыскать художника...

Он жил неподалеку, в подвале дома № 29 по Молоканской улице. Они нашли его у белой стены, на которой он писал — «Молочная», и спросили, знает ли он, что он великий художник.

Смущился, ответил невнятицей. Мне нечего добавить к сказанному, снятому, сыгранному, написанному, сплетому о Пиросмани. Разве что такую деталь: часть устроенной И. Зданевичем в 1916 году выставки Пиросмани разместились в коридоре мастерской устроителя.

Еще сравнительно недавно

Нико Пиросманашвили. 1916 год

можно было заглянуть в подвал, где умирал Пиросманашвили. Теперь его нет. А в коридор Зданевичей можно заглянуть и сегодня.

Поневоле вспомнишь коридорные (кухонные, парковые, бульварные и т.п.) выставки не столь уж давнего времени. И примерно такие же отзывы: «Оскорбление искусства...».

Илью я, конечно же, не застал, а с Кириллом встречался. Он носил пиджак-букле и шляпу, а в руках держал свернутую в трубку газету. Видел я его в редакции «Вечернего Тбилиси», куда он захаживал за спортивными новостями, или на трибуне тбилисского стадиона «Динамо», где он болел за своих любимцев. Если дела у них шли хорошо, тычок газетной трубки стлал шляпу на затылок.

И ни слова о том, что он открыл Пиросмани. К тому времени он был неразговорчив, а я не по-

нимал, что время имеет свойство умирать вместе с людьми.

В 1949 году в московском ресторане «Арагви» Зданевич засиделся с какими-то иностранцами, те пригласили его к себе в «Националь», а наутро у выхода его арестовали.

Слал из лагеря удивительные письма. «Все хорошо в зоне, если зона окружает, как духан «Не уезжай, голубчик мой!». Одно плохо — не знаю, как сыграли наши с ЦДКА...».

Эту историю мне рассказал живущий в Москве замечательный художник Вахтанг Дугладзе. Он был дружен с Кириллом и знал Мосе Тоидзе, ученика Репина и автора заметки о первой выставке Пиросмани. Тот уже тогда был классиком. А его сына Ираклия многие должны помнить по знаменитому плакату времен Великой Отечественной войны «Родина-мать зовет!». «И мне казалось, что похожа Родина на тетю Шуру из квартиры пять...» — писал об этом плакате поэт Евгений Храмов.

Какое отношение имеет все это к Пиросмани? Не знаю, но чувствую, что имеет.

Тициан Табидзе

«...Скромные надписи редко обозначают в Грузии имена мастеров, чей творческий подвиг большей частью оставался анонимным... Неудивительно поэтому, что нам неизвестны авторы древних грузинских фресок, если на наших глазах Нико Пиросманашвили прошел незамеченным...»

Эти слова произнес поэт Тициан Табидзе. «На наших глазах прошел незамеченным...» — ключевая фраза покаяния, не вполне, правда, обоснованного: поэты и художники поколения Табидзе кое-что сделали для того, чтобы Пиросмани был замечен. Но люди этого типа судят по максимуму. Открытие Зданевичей и всплеск всеобщего интереса к гениальному самоучке не смогли спасти его.

Гений — человек на все времена. Но не все времена для него.

Вокруг работ Пиросмани бушевали яростные дискуссии. Для приверженцев Нико — их называли «пиросманистами» — он был аргументом в споре, знаменем в бою со «стариками». А человек тем временем умирал в одиночестве. И ушел так, что даже могилу не могли найти.

— Где вы раньше были? — спрашивал виноторговец Месхивили. — Если он был великий — где были раньше ваши глаза?

Многие говорят: «Время было такое...».

Время, когда погиб Тициан Табидзе, было не лучезарнее. Его гибели предшествовала шельмующая «дискуссия о формализме» 1936 года, ударившая репрессиями по группе поэтов «Голубые роги» — собратьев русского «Серебряного века». Взойдя на сугубо национальную почву, они были связаны с русским символизмом общей кровеносной системой. Но против них действовала столь же единая система кровопускания.

Исчезновение Тициана Табидзе тоже прошло незамеченным. Во всяком случае, в тридцатые-сороковые вслух об этом не говорили, только близкие. Но если жизнь смиряется с такой анонимностью, то искусству она претит. Рукописи не горят, и фрески не исчезают, если, конечно, кто-то спасает их.

Художник Ладо Гудиашвили встречался с Пиросмани, передавал ему вспомоществование собратьев по цеху. Нико отказывался... Сам Ладо начинал с копирования древнегрузинских фресок, стремясь проникнуть в тайну имени и жизни их авторов. Его портрет Пиросмани — та же фреска, если условиться, что иконописная фреска отображает реальную личность. Как там у Евтушенко? «Людей богами рисовали и в людях видели богов». Этот принцип Гудиашвили положил в основу росписи Кашветского собора в Тби-

лиси, за что поплатился годами «незамеченности». А мог бы полатиться свободой. Или жизнью. Как Тициан Табидзе.

В огромном пространстве народной жизни их оказалось слишком мало, чтобы спасти друг друга. Но без них, убитых, расстрелянных, сосланных, ошельмованных, это пространство вконец омертвело бы.

В фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние» общность людей этого редкого типа прочитывается без труда. Герой ленты художник Баратели — тот же Тициан Табидзе. Или его друг поэт Паоло Яшвили. Или режиссер Сандро Ахметели. Или дирижер Евгений Микеладзе — список уничтоженных системой всесоюзного отстрела неудобных, не укладывающихся в ее прокрустово ложе и поэтому бросающих ей вызов, людей можно продолжать до бесконечности.

Не столь уж и мало их было, чтобы не задуматься о существовании некоей «партии Пиросмани». Не столь уж и много, однако, чтобы она могла доминировать в стране и народе, спасая его от напасти духовного оскудения.

Тенгиз Абуладзе

До «Покаяния» он вынашивал замысел фильма о Пиросмани. «Но его самого в фильме ты не увидел бы, — говорил он автору этих строк, — то есть не увидел бы персонаж, актера в этой роли. Задача: чтобы зритель ощутил Пиросмани — в себе».

Что ж, вполне по Тициану Табидзе, который говорил: «Нико Пиросманашвили до того растворился в народе, что нашему поколению трудно уловить черты его индивидуальной жизни...».

В ней, этой индивидуальной жизни, столько вопросительных знаков, что пиросманиеведы и по сей день ломают над ними голову. Однако вновь, как и во времена Пиросмани и Табидзе, возник другой, едва ли не самый главный для нас, вопрос: способен ли «растворенный» в народе «национальный гений» удержать народ от падения?

Слишком густо усеяли дорогу к храму выбросы политического сатанизма, чтобы не споткнуться... И Абуладзе сказал, что одного «Покаяния» недостаточно.

Он задумал новый фильм, по двум произведениям Ильи Чавча-

вадзе — «Человек ли он?» и «Отшельнику». Первое — про этиких «старосветских помещиков», чья жизнь — сплошное болото животного существования, второе — про жизнь на такой высоте духовности, куда не каждый сможет и отважиться взойти. «Два уровня, две отметки, между которыми живем, низ и верх, — говорил Абуладзе, — сами не понимая, как пересекаются вокруг и как противоборствуют в нас эти два начала».

Недостаточно изблудить тиранию в образе Варлама Аравидзе, надо еще и показать, как ворожится он в каждом из нас и через нас подталкивает к пропасти народную жизнь.

Несколько лет наблюдая с близкого расстояния, как это происходило, я часто вспоминал эти слова. Вспоминал русского философа Георгия Федотова, который в эссе «Перед памятником Ленину» сказал: «История есть мир человеческий — не природный и не божественный, — и в нем царит свобода. Как ни велико в истории значение косных, материальных сил, но воля вдохновенного Богом или соблазненного Люцифером человека определяет сложение и распад природных сил».

По-моему, универсальная формула. Приложима и к родине Пиросманашвили, и к отчеству Федотова. Их будущее в конечном итоге зависит от того, чья воля, какое из этих двух начал возьмет верх.

— Представляешь, — будто бы спрашивал Кирилл Зданевич по выходе из лагеря, — какая была бы жизнь, если бы в наших вождах была хоть толика Пиросмани? Такое даже представить невозможно. Увы.

Спросят: «Почему ни слова об искусстве Пиросманашвили? Какая партия? И чей юбилей в конце концов?».

Отвечу словами самого Пиросмани: «Вот что нам нужно, братья! Посередине города, чтобы всем было близко, нам нужно построить большой деревянный дом, где мы могли бы собираться. Купим большой стол, большой самовар, будем пить чай и говорить о живописи и искусстве...».

Чем не партия?

Уж в такой-то юбилей можно помечтать о несбыточном — о единении добрых, бескорыстных, талантливых людей.